

НЕЗАМЕЧЕННАЯ КНИГА

Рассказывают, что Александр III, соблюдая царский обычай посещать по праздникам узилища, ходил однажды по казематам Петропавловской крепости и выслушивал жалобы узников. Заключенные дружно твердили одно и то же: "Осужден несправедливо, страдаю невинно".

И только один заключенный на вопрос монарха ответил странно и кратко. Сказал, что он преступник и заслужил большей суровости наказания. "Зачем одного преступника держать среди такого множества невинных?" — изумился будто бы император. И дал распоряжение выпустить этого заключенного из крепости на свободу.

Этим узником был Лев Александрович Тихомиров, причастный к убийству Александра II, отца здравствовавшего государя... Известный народник, активный борец с монархизмом, осужденный на процессе 193-х, выйдя из крепости, уехал за границу. Можно предположить, что уехал не из-за административного надзора, а от стыда за свое прошлое. Цареубийца стал монархистом...

Высочайшим повелением ему было разрешено вернуться в Россию. Что тут поднялось в среде противников эволюционного развития государства! Какие страсти вскипели в гуще разномастных освободителей России, в стане борцов за так называемую "свободу"! Вера Фигнер, к примеру, всерьез доказывала, что Тихомиров сошел с ума. Плеханов говорил и писал о "горе Л. А. Тихомирова". Даже супругу Льва Александровича обвинили в прелюбодействе...

Революционные демократы одинаковы во все времена. На имени Л. А. Тихомирова до сих пор торчит ярлычок с такими определениями, как "предатель", "шовинист", "обскурант". По этой причине один из светлых и самых глубоких российских умов до сих пор не востребован российской философией и государственно-правовым сознанием.

Главная книга Л. Тихомирова "Монархическая государственность", переизданная в 1992 году в Ленинграде, доступна сейчас лишь узкому кругу читателей. Ее либо из разных соображений замалчивают, либо вообще не знают о ней. Между тем эта книга просто незаменима для тех, кто искренне хочет возрождения России, независимо от их политических взглядов. Особенно ценна она для депутатов в их законотворческой деятельности, представителям исполнительной власти она тоже не помешала бы. Именно сейчас, когда Россия в разлуке, когда снова все кому не лень толкуют о каком-то переходном периоде. Сколько же этих "переходных периодов", и долго ли еще придется терпеть? От чего и к чему переходим нынче? И, вообще, стоит ли опять куда-то "переходить", и если стоит, то не лучше ли вспомнить хорошо забытое старое?

Название главного тихомировского труда не столько сбивает с толку поверхностного читателя, сколько сует оружие в трусливую, но коварную руку русофоба. Что, мол, вы трясетесь со своим русским монархизмом над развалинами своей русской империи? — скажет "мыслитель", коего тошнит при одном слове "русский", а при слове "монарх" просто трясет. Не пора ли вам, дескать, образумиться и забыть навсегда ваши монархические шуточки-дрючки?

Нет, не пора... Более того, сейчас как раз и пришла настоящая пора вспомнить, что писано Тихомировым после революции 1905 года и что он говаривал о монархии и демократии. А говаривал он прежде всего о юридической безграмотности общества и государственной элиты, безграмотности относительно не только понятия "монархия", но и вообще относительно понятия "верховная власть". Говаривал он о слишком низкой "политической сознательности" народа и культурно думающего общества.

Употребляя термин "верховная власть", Тихомиров настойчиво разъясняет, что она, верховная власть, может существовать только в одном из трех своих видов. Он говорит: "...верховная власть нигде не бывает сложною, она всегда проста и основана на одном из трех вечных принципов: монархии, аристократии и демократии". Нельзя

путать верховную власть со "способом управления", то есть с правительством, что так характерно для нынешних государственников. Три этих вида верховной власти Тихомиров доступно и кратко иллюстрирует историческими примерами, вовсе не замыкаясь на одном монархическом принципе. Именно это обстоятельство замалчивается нынешними так называемыми демократами. Не замечается и то обстоятельство, что автор "Монархической государственности" убедительно говорит о возможности вырождения монархии, о несовместимости подлинной монархии с абсолютизмом. Разница абсолютизма и монархии до сих пор игнорируется в научных кругах...

Монархическая, аристократическая или демократическая формы верховной власти, разумеется, тесно связаны с национальными особенностями того или иного государства, того или иного народа. Выбор этой формы обусловлен прежде всего религиозными воззрениями того или иного племени, а также традиционными нравственными и бытовыми национальными особенностями этого племени.

Взаимные отношения и взаимовлияния трех указанных принципов верховной власти бывают весьма сложными, нередко признаки, например, аристократической формы проявляются в монархическом способе, или признаки демократической верховной власти заметны в аристократическом способе, или наоборот. Но, по Тихомирову, любое государство независимо от времени или местонахождения характеризуется по одному из этих трех принципов. Нельзя рассуждать о том, что для человечества лучше: монархия, аристократический способ верховной власти или демократический (то есть народный). Эти способы отнюдь друг из друга не вытекают, как трактует марксистская догма, основанная на борьбе классов. Они живут в каждом отдельном государстве, они независимы. Тихомиров не связывает способы верховной власти с понятием "исторического прогресса". Смена, например, аристократического способа верховной власти демократическим отнюдь не всегда благо для государства. По-видимому, он вполне допускает в историческом процессе смену, например, демократического способа верховной власти аристократическим или монархическим способом. Пресловутое "колесо истории" при такой смене отнюдь не застопорится. Разумеется, все симпатии Льва Тихомирова на стороне монархического принципа, но это вовсе не значит, что он не признает демократический способ, то есть тот, когда верховная власть в руках самого народа. Он просто говорит в этом случае о верховенстве самого народа, а не монарха. О том, что выгоднее для народа — демократия или монархия, он тоже размышляет и доказывает, что, например, для русского народа полезнее монархический принцип верховной власти. О способах управления при любом способе верховной власти разговор должен быть отдельный.

Вся книга Л. А. Тихомирова состоит из пяти частей, каждая часть разбита на именные отделы, которые в свою очередь подразделяются на короткие главы. Каждая глава с определенным названием. Вот, например, оглавление первой части, название которой "Происхождение и содержание монархического принципа".

Отдел первый

"Источник власти в обществе"

- I. Психологические основы общественности.
- II. Психологические основы власти.
- III. Цели общественной власти. Порядок. Осуществление правды.

Отдел второй

"Государство и верховная власть"

- IV. Государство как завершение общества и охрана свободы. Неизбежность государственности.
- V. Содержание государственности.
- VI. Структура государства и его составные элементы.

Отдел третий

"Власть верховная"

- VII. Власть верховная и управительная.
- VIII. Простота принципов верховной власти.
- IX. Единство верховной власти и разделение властей управительных.
- X. Причина необходимости управительных властей. Закон предельности действия и разделения труда. Действие прямое и передаточное.
- XI. Принцип представительности верховной власти. Класс политиканов. Бюрократия.
- XII. Принципы власти и образы правления.
- XIII. Основные формы власти суть типы, а не фазисы эволюции власти.
- XIV. Внутренний смысл основных типов власти.

Отдел четвертый
"Общие основы монархии"

- XV. Общие соображения.
- XVI. Значение религиозных представлений.
- XVII. Реальность религиозных представлений.
- XVIII. Религиозный элемент в единоличной верховной власти.
- XIX. Нравственный отпечаток религиозной идеи.
- XX. Монархическое начало в связи с явлением социального строя.
- XXI. Влияния внешней и внутренней политики.
- XXII. Политическая сознательность.
- XXIII. Разновидности монархической власти.

Это всего лишь одна (первая) часть тихомировского труда. Вторая часть называется "Римско-византийская государственность", третья "Русская государственность", четвертая посвящена монархической политике и составлена из семи отделов. Шестой отдел, например, называется "Личность, свобода и право" и состоит из таких глав:

- XLIII. Государство и личность.
- XLIV. О правах "человека".
- XLVI. Система построения права.
- XLVII. Осуществление права.

Одни названия отделов и главок настолько красноречивы, что вызывают немедленное желание прочесть ту или иную главку (хотя бы главку о правах "человека"). Стилистика тихомировская настолько точна и своеобразна, что одни кавычки говорят иной раз больше, чем объемистый том какого-нибудь современного демократического юриста. И я не скрываю пропагандистского характера этой рецензии. Не знаю, почему издание этой уникальной книги посвящено памяти великого князя Владимира Кирилловича. Может, случайно? Или в связи с финансированием? А может, издатель просто не знал, кто такой Владимир Кириллович, в 1917 году щеголявший по Питеру с красным бантом?

Дело не во Владимире Кирилловиче, а в Льве Тихомирове. И тот и другой, впрочем, вполне достойны большого романа. Один, будучи великим князем, в семнадцатом году предал монархическую идею. Второй, сын простого офицера, задолго до этого отрекся от своего революционного прошлого во имя этой идеи. Некоторые люди из эмигрантской среды искренне недоумевали, отчего Лев Тихомиров до сих пор не стал героем романа или хотя бы прототипом. "Если бы Достоевский прожил еще несколько лет, ему не удалось бы уйти от соблазна этой темы", — пишет Вл. Маевский, автор биографии Льва Тихомирова.

Но я предостерег бы читателей от выборочного знакомства с главами "Монархической государственности". Читать эту книгу надо обязательно с самого начала, причем не спеша. (Какось, что сам поступил совершенно иначе. Начал читать урывками, то с конца, то с середины. Последовательность — главное условие для понимания таких книг: пришлось читать снова, но уже с первой страницы.) С 280-й страницы, где Тихомиров противопоставляет монархии бюрократию, я не удержался и сделал закладку.

Вторую закладку сделал на 334-й странице, где говорится об управительной системе в петербургский период. Преподавание истории у нас таково, что я впервые с раскрытым ртом узнал, что Петр I не только выслушивал советы Лейбница по государственному строительству, но и следовал таким советам. Тихомиров деликатно сообщает, что "как создание "творческого ума одного человека" учреждения Петра действительно имеют наружную стройность, но проникнуты несоответствием с живым человеческим материалом управляемого государства, так что даже сам Петр весь век переправлял свое создание". Ну как тут не вспомнить о знаменитых перестройщиках нашего времени — Горбачеве и Ельцине! У Петра хоть Полтава имелась и еще кое-что полезное для России. Эти же растрянжирили не только петровское достояние, но и достояние Грозного.

Интересны размышления Тихомирова о принципиальном различии синодального и соборного патриаршего правления. Сила православного патриарха в соборе, но истинно русскому поместному собору со времен Петра места в России не было.

Мысли Тихомирова о взаимоотношениях верховной власти (то есть монарха) с дворянством и крепостным крестьянством зафиксированы в тридцать восьмой главе. Кризисы российской истории, по Тихомирову, напрямую связаны с религиозным началом в русском народе:

"Не общественная польза, не интересы Отечества, не приличия и удобства жизни диктуют русскому его правила поведения, а абсолютный этический элемент, который верующие прямо связывают с Богом, а неверующие, ни с чем не связывая, чтут бессознательно".

Весьма современно звучат слова Тихомирова о роли этического начала в политических отношениях. Он говорит, как неуклонно шла вперед "...пропаганда

антиправославная — во всех видах ее, начиная от полного отрицания религии и кончая множеством форм рационалистического христианства, или даже мистического, но всегда антиправославного". Говоря о нерусских элементах, "все более увеличивающихся" в среде интеллигенции на рубеже XIX—XX веков, Тихомиров замечает, что "сам по себе прилив чужих элементов хорошо знаком России, но прежде русские сохраняли достаточно силы, чтобы русифицировать приходящих извне... В новой России пришедшие "интеллигенты" брали уже верх над коренными... Наша новая революционная интеллигенция поэтому связала себя традиционно с прежним западничеством направлением, с которым, в действительности, имела немного общего".

Лев Александрович не избежал, конечно, оправдания собственных революционных заблуждений состоянием общества, петровским направлением просвещения, пореформенным расслоением и т. д. Но при таком радикальном пересмотре собственных взглядов подобное оправдание выглядит вполне простительным.

Зато как глубоки и своеобразны его мысли вообще о политике, о свойствах различных принципов верховной власти, о значении династичности, о взаимоотношениях политики, религиозности и морали, о взаимоотношениях монархического государства с иноверцами. Одна полемика с Вл. Соловьевым по поводу "равенства исповедания" чего стоит. Или взять толкование отличий государства общегражданского от сословного монархического. А его спор со сторонниками общегражданского государства, его мысль о корпорации профессиональных политиков, о кооперативных и одновременно антагонистических отношениях рабочего и капиталиста? А критика парламентаризма? Не менее важны и тихомировские взгляды на человеческую личность, ее свободу и чувство ранга (как выражается Ильин), взгляды на совершенствование управительных органов, на отношения верховной власти и местного самоуправления, на управленческую бюрократию. Их надо бы знать каждому нынешнему депутату-законодателю, каждому министру, каждому региональному и московскому чиновнику.

Главу под названием "Бюрократия и политики" хочется выписать целиком, но она не будет восприниматься вне контекста. Надо, повторяю, читать всю книгу, с начала и до конца.